

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕРНОСТИ¹

Аннотация: В статье предлагается логическая реконструкция теоретического контекста социологических дискуссий о постсоветской России. В качестве отправной точки анализа берется теория модернизации, которая рассматривается как составная часть более широкой теоретической формации, включающей также теории институциональной дивергенции, локальных цивилизаций и капиталистической миросистемы. Далее показывается переход от данной теоретической формации через радикальную постмодернистскую социальную теорию к новой теоретической формации глобальной модерности, представленной трансформационной, диверсификационной и плюралистической моделями.

Ключевые слова: постсоветское российское общество, модернизация, глобализация, модерность, когерентность, контингентность

Введение

Центральная проблема современной российской социологии заключается в объяснении посткоммунистических институциональных изменений. На революционные события 1989–1991 гг. российская социология ответила ревитализацией теорий модернизации и конвергенции, доминировавших в западной социологии в 1950–1960-е гг.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00840а.

В последующие два десятилетия эти теории были подвергнуты более или менее радикальной критике со стороны исторической социологии революций, мир-системной теории, цивилизационного анализа, а также постмодернистской социальной теории. Однако в 1990-е гг. теории модернизации и конвергенции вновь вышли на авансцену в мировой социологии. Оппозицию теориям «посткоммунистического транзита», неомодернизации и неоконвергенции составили модифицированные версии также восходящих к классикам социологии теорий азиатского способа производства и патримониализма. С конца 1980-х гг. эти теории стали открыто применяться для характеристики советского общества, а позже и социетальной системы посткоммунистической России. Помимо вышеназванных институциональных теорий распространение получили культурологические объяснения российского общества в русле теории локальных цивилизаций. Новые теоретические подходы, возникшие в мировой социологии с конца 1980-х гг., ассоциируются главным образом с понятиями «модерность» и «глобализация».

Модернизация, глобализация, модерность

В одной из своих теоретических интерпретаций понятие глобализации оказалось тесно связанным с теорией модернизации. После 1989 г., когда завершение холодной войны обрело свое символическое воплощение в разрушении Берлинской стены, широко распространилось убеждение в том, что западный идеологический и институциональный проект современного общества доказал свой исключительный универсализм и теперь должен получить повсеместное распространение в мире — своеобразная неолиберальная эсхатология, возвестившая о «конце истории». Модернизацию, как процесс выработки и кристаллизации институциональных форм современного общества на Западе, сменяет глобализация, как процесс распространения и присвоения этих форм по всему миру. Следствием глобализации, понимаемой как неолиберальная трансформация глобального капитализма, должно было бы стать завершение процесса модернизации в посткоммунистических обществах. Модернизация и глобализация понимались, по сути, как «вестернизация» и «американизация» и сливались во всеобъемлющей концептуальной схеме в единый последовательный процесс социального изменения.

Трудности, возникшие на пути реализации западного современного институционального проекта, вызвали среди разных «идеологических групп» российских интеллектуалов неодинаковую реакцию. Среди либералов возникло разочарование в возможностях институциональной либерально-демократической и рыночной модернизации российского общества, что заставило их внести коррективы или полностью пересмотреть исходную схему «линейной» глобальной модернизации. Консерваторы от коммунистов до «неоевразийцев» и «православных фундаменталистов» еще раз убедились в ущербности и непригодности для России западного проекта современного общества. «Умеренная», либерально-консервативная реакция состояла в замещении вестернизационного проекта модернизации проектом «постмодернизации», предполагающего объединение национальных культурных традиций и современных экономических и политических институтов.

На этой волне в социологии на смену оптимистичным теориям неомодернизации, неоконвергенции, «посткоммунистического транзита» пришла гораздо более сдержанная в отношении современного будущего российского общества концепция «трансформации». В теоретическом контексте российской социологии термин «трансформация» приобрел значение диагноза российской действительности, обнаружившей неадекватность субстанциальных, содержательных, качественных определений российского общества как «модернизирующегося» или «транзитного». Свой основной смысл концепция российской трансформации получает не от соотношения с эмпирической реальностью, а от теоретического контекста, в котором она возникла как отступление от теории модернизации. Понятие трансформации указывает на структурный характер происходящих в обществе изменений, но ничего не говорит об их качественной определенности, кроме того, что эти изменения не соответствуют «классической» модели модернизации. Так, выражая сомнения в правомерности называть модернизацией «управляемое сверху создание капиталистического производства на чуждой ему основе», В.А. Ядов утверждает, что «наша страна претерпевает социетальную трансформацию, но не модернизацию в принятом понимании термина»². Понятие трансформации характерно для позиции «осторожного скептицизма»: как в отношении модернизационной направленности происходящих изменений,

² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 71.

так интерпретационных возможностей социологии определить формирующийся в ходе этих изменений тип социетальной системы.

Понятия «трансформация» и «глобализация», получившие распространение в социологическом дискурсе в последние два десятилетия, задают некоторые рамки и ориентиры эмпирическому исследованию и теоретическому анализу процессов, происходящих в российском обществе. Но интерпретационные возможности этих концептов ограничены. Они указывают на формальные характеристики процессов, в них содержится указание на глубину и масштаб происходящих социальных изменений, но остаются неясными их направленность, механизмы, последствия, очертания складывающейся социетальной конфигурации. Например, возникает вопрос, означает ли термин «трансформация» в применении к нынешнему российскому обществу процесс структурирования, реструктурирования или деструктурирования социетальной системы? В то же время концепция модернизации дает вполне определенный ответ на этот вопрос, отсылая к содержательным характеристикам «модерного общества». Термин «глобализация» за относительно короткий период своего интеллектуального обращения претерпел значительные смысловые изменения. Как прежде понятие модернизации в трудах исторических социологов, так сегодня концепт «глобализация» фрагментировался, диверсифицировался и плюрализировался. Во-первых, он стал использоваться в отношении не только переживаемой фазы мировой истории, но и ее более отдаленных, в том числе докапиталистических периодов. Процессы глобализации стали рассматриваться как имеющие «долгую историю». Во-вторых, возникло представление о контекстуальности глобализации, о многих и даже «альтернативных» глобализациях³. Глобализация более не рассматривается как линейная функция «линейной модернизации». Таким образом, можно констатировать, что понятие глобализации постигла та же участь, что и все более ранние понятия — такие как *прогресс*, *цивилизация*, *эволюция*, *модернизация*, *модерность* — изначально выдвигавшиеся с целью преодолеть эмпирическое многообразие мира в универсалистской и, по сути, телеологической и финалистской репрезентации истории как движения к гомогенному и когерентному состоянию современности. Последующая критика этих схем приводила

³ Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 8–24.

на терминологическом уровне к тому, что те понятия, которые поначалу играли в этих схемах ключевую роль и использовались в единственном числе, приобретали множественную форму словоупотребления: история понятия цивилизации в данном случае задает парадигму для всех других вышеперечисленных терминов этого уровня.

В настоящее время «глобализация» из универсальной интерпретационной схемы превратилась не только в основной социологический факт современности, требующий своего объяснения, но и стала главным «фреймом» современного социологического анализа. Фрейм «глобализации» заменил доминировавший в социологии фрейм «самодостаточного общества», в качестве эмпирического референта которого выступало «национальное государство». Национальное государство как социальный феномен никуда не исчезло, но социологический анализ уже не может ограничиваться его рамками, рассматривать социальные взаимодействия и процессы как происходящие исключительно внутри национальных государств или между национальными государствами. Влияние этого образа общества было весьма заметно даже в некоторых, «классических» версиях цивилизационного и мир-системного анализа, в каждом из которых выделяемые базовые социо-исторические единицы принципиально отличались от национальных государств. Но при этом национальные государства рассматривались в качестве основных строительных блоков как отдельных цивилизаций (от Н.Я. Данилевского до С. Хантингтона), так и модерной, капиталистической миросистемы (И. Валлерстайн).

Модернизационный подход ограничен фреймом национального государства, и в этом заключается его основной методологический порок. В социальных науках сложилось разделение труда, при котором социология в основном сосредоточилась на интрасоциетальных связях и «внутренней» политики современных государств, в то время как интерсоциетальные связи и «внешняя» политика национальных государств разрабатывались теорией международных отношений. В социологии национальное государство выступало эмпирическим референтом (денотатом) абстрактного понятия общества, интерпретируемого как «социальная система». Теория модернизации, исходящая из структурно-функционалистских представлений, описывала внутрисистемные институциональные отношения, игнорируя то, что находится по другую сторону системной границы «внутреннее/внешнее». При этом социологическое теоретизирование на языке системной теории затемняло тот факт, что в реальности границы социальной

системы конституируются в социальном взаимодействии и представляют собой социальное отношение. Иначе говоря, граница социальной системы означает не прерывание социального взаимодействия, а лишь его структурирование. Подчеркивалась относительная автономия социальной системы от внешней среды, последняя включала в себя также социальные общности, с которыми данная социальная система находилась во взаимодействии. Любое государство представляет собой социальную структуру и институциональную формацию, которая возникает в рамках определенной социальной сети, но никогда полностью ее не охватывает. Взаимодействие национального государства с внешним социальным окружением строится на основе отношений «включение/исключение».

Теория модернизации была склонна признавать одностороннее «благодетельное» влияние, которое современные общества оказывают на «развивающиеся» общества, стимулируя их развитие. Предполагалась огромная важность контактов с западными обществами для осуществления модернизации «отсталых» стран. Теория модернизации рассматривала взаимодействие Запада с остальным миром с точки зрения диффузии западных институтов и ценностей, и в этом проявилась ее идеологическая зашоренность. Роль взаимодействия с незападными странами для модернизации самих западных обществ не акцентировалась. Осуществляемые Западом экспансия, завоевание, колонизация рассматривались как следствие эндогенного по своей природе процесса модернизации европейских обществ. Могла ли сформироваться институциональная структура современных обществ Запада без принуждения, подкрепляемого в случае необходимости военной силой, использования природных и трудовых ресурсов, экономической эксплуатации незападных обществ? В какой мере институционализация в западных обществах ценностей свободы и равенства связана с осуществляемыми данными обществами открытым и структурным насилием, принуждением, эксплуатацией, доминированием по отношению к своей «внешней социальной среде»? Было бы чрезмерным упрощением говорить, что необходимой предпосылкой «внутренней свободы» современных национальных государств является «внешняя не-свобода» отсталых традиционных и развивающихся обществ, но то, что национальное государство как политическая форма современного общества конституируется отношениями «включение/исключение» вполне очевидно. При этом отношения «включения/исключения» часто неотделимы от отношений социального неравенства со всеми

присущими ему проявлениями доминирования, неэквивалентного обмена, неравного распределения власти, ресурсов, жизненных шансов. Национальные государства обеспечивают правами и благами, прежде всего, своих граждан и исключают из непосредственного участия в распределении ресурсов других, всех тех, кто не является гражданами данного государства. Социология традиционно уделяла огромное внимание социальной структуре обществ и существующему внутри них социальному неравенству. Однако интрасоциетальные иерархические деления на высшие и низшие, привилегированные и непривилегированные, правящие и управляемые, доминирующие и доминируемые социальные слои и группы вторичны, по крайней мере, в логическом отношении, по сравнению с интерсоциетальными делениями, основанными на критериях принадлежности, членства, «включения/исключения». Несмотря на внутреннюю социальную стратификацию, национальные государства в глобальном контексте стремятся конституироваться и конституируются как статусные социетальные группы — национально-культурные общности. Отсюда забота национального государства о национальной культуре, национальных традициях, национальном языке, национальных символах.

Теория модернизации задает слишком узкую рамку для понимания современных обществ, причем не только отсталых или модернизирующихся обществ, находящихся за пределами Запада, но и самих модернизированных западных обществ. Теория модернизации редуцирует транссоциетальное состояние модерности к характеристикам «модерного общества», реализованного в странах Западной Европы, Северной Америки. Но «модерность» всегда была больше «модернизации», в том числе модернизации самого Запада. Сводить модерность только лишь к социальным процессам и структурам «внутри» западных обществ представляется ошибочным. Процессы модернизации в западных обществах являются частью процессов глобализации. Мир-системная теория показала, что обратной стороной модернизованности западных государств является зависимость и отсталость незападных обществ. Капиталистическая миросистема — это образ ставшей глобальной модерности, которая не сводится к процессам модернизации, рационализации и цивилизации в государствах «ядра», но включает в себя страны периферии и полупериферии, которые, с точки зрения модернизационной теории, находятся за пределами модерности или только входят в нее. Основанная на капиталистическом способе производства «модерная мир-система»

(И. Валлерстайн) не может существовать без эксплуатируемой и зависимой периферии, и, в действительности, она создает и воспроизводит ее как необходимый компонент своей структуры, как неотъемлемую часть своей конституции. Немодернизированные или полумодернизированные страны периферии являются не внешней средой и условием функционирования современной капиталистической миросистемы, а входят в саму ее конституцию. Модернизация неотделима от капиталистической экспансии, и последняя не является лишь следствием первой. Процессы социетальной трансформации неотделимы от процессов интер- и транссоциетальных взаимодействий, предельным случаем масштабов и интенсивности которых является глобализация. Даже если согласиться с тем, что о глобализации имеет смысл говорить применительно только лишь к сдвигам последних нескольких десятилетий, то последствием использования понятия глобализации должен стать пересмотр концептуальной схемы в отношении всей истории модерности, а в действительности — и в отношении докапиталистической истории человечества, как это показывают новые, основанные на сетевом подходе, сравнительно-исторические исследования в мир-системном, цивилизационном, геополитическом анализе. «Модернизацию» и «глобализацию» следует рассматривать как два взаимосвязанных процесса, как две стороны формирования единой, но сложной, гетерогенной и противоречивой реальности модерности, многообразие институциональных и культурных форм которой не может быть сведено к сверхобобщенной и унифицированной модели «модерного (модернизированного) общества».

Модели и особенности российской модернизации

Теории модернизации соответствует представление о современном обществе как определенном наборе институтов и модернизации как определенном порядке и способе осуществления институциональных изменений. Возникший в 1950-е гг. применительно к развивающимся странам третьего мира термин «модернизация» позже приобрел более широкое значение фундаментального социетального сдвига от традиционного общества к современному обществу, впервые начавшего осуществляться в странах Западной Европы в Новое время. В результате возникло представление о «первичной» и «вторичной» модернизациях. С пуристской точки зрения, странами классической «органической» модернизации могут считаться лишь Англия и Франция,

родины сыгравших ключевую роль в формировании модерности двух революций — промышленной и политической. Даже модернизация Германии считается не соответствующей в полной мере классической модели «органической» модернизации, не говоря уже о странах Восточной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки.

Классическая модель модернизации выступает идеальным типом, на фоне которого выявляется историческое своеобразие процессов социального развития российского общества. Выявление отклонений реальных путей исторического развития тех или иных обществ от классической модели модернизации часто ведет не к отказу от модернизационной перспективы, а к спецификации определения модернизации. Например, В.Г. Федотова выделяет пять типов модернизации: колонизацию, вестернизацию, догоняющую модернизацию, развитие на основе собственной идентичности (постмодернизацию) и разнотипное развитие обществ, определяемое их внутренним выбором при глобальной функции капитала⁴. Российская модернизация описывается как «догоняющая», «консервативная», «инструментальная», «имперская», «рецидивирующая», «зависимая», «отстающая», «мнимая», «фрагментарная», «мобилизационная», «периферийная». Перечень может быть продолжен. Тем не менее, такое терминологическое разнообразие может быть сведено в несколько основных концептуальных моделей российской модернизации, различающихся между собой интерпретациями предпосылок (стартовых или постоянных условий), процесса (механизма осуществления) и результатов (складывающейся социетальной конфигурации) модернизационного процесса в России. Основанием для выделения данных моделей служит сравнение с моделью «классической» модернизации, обобщающей исторический опыт модернизации западных обществ.

Итак, можно выделить три модели российской модернизации.

1. *Модель «догоняющей модернизации».* Эта модель устанавливает принципиальное сходство внутренних (социогенетических) предпосылок, процесса и результатов модернизации в России и на Западе. Россия движется по тому же пути, что и Запад, но она оказалась задержанной в своем развитии неблагоприятными внешними (природными, геокультурными — удаленность от античных центров цивилизации, падение Византии) и геополитическими обстоятельствами.

⁴ Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 27.

Россия — не «отсталое», а «задержанное» неблагоприятными внешними условиями в своем развитии общество, проходящее в своей истории те же самые стадии, что и Запад, только с опозданием. По выражению Б.Н. Миронова, Россия является «страной другого часового пояса». Она развивается столь же быстро, как и другие европейские страны, но асинхронно с ними. Модернизация в России, как и в любой другой европейской стране, имела свои национальные особенности, но они носят количественный характер и не дают повода говорить об иной, отличной от европейской/западной цивилизационной идентичности России⁵. Важно то, что здесь подчеркивается тождественность эндогенных предпосылок модернизации в России и в странах Западной Европы, а существующие между ними различия в исторической динамике относятся на счет внешних условий, способных лишь ускорить или замедлить, облегчить или затруднить раскрытие эволюционного потенциала обществ, но не изменить траекторию их развития. Эта точка зрения на специфику исторического развития России была отчетливо выражена русскими историками в XIX в. Так, С.М. Соловьев подчеркивал, что «надо внимательно отличать отсталость, происходящую от внутренней слабости при равенстве внешних условий, и задержку, происходящую от различия, неблагоприятности внешних условий при равенстве внутренних». Если «отсталость» является характеристикой неподвижных обществ Востока, то специфика России — это специфика «задержанного» в развитии европейского по своей природе общества⁶. В этом смысле о России говорят как о «второй Европе».

2. *Модель «конвергенции»*. Имея иные, чем на Западе, внутренние и внешние исходные предпосылки развития, решая другие и другими способами исторические задачи, Россия, тем не менее, движется по пути все большего сближения с Западом. Предпосылки («стартовые условия») и способы осуществления модернизации в России и на Западе разные, но достигаемые при этом результаты идентичны. Как и предыдущая трактовка, эта позиция получила отчетливое выражение в XIX в. К.Д. Кавелин утверждал, что в истории России и Западной

⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): в 2 т. / 3-е изд., испр. и доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. II. С. 303.

⁶ *Соловьев С.М.* Петровские чтения // С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 427.

Европы «нет ни одной черты сходной, зато много противоположных»⁷. Тем не менее, европейская идентичность России у нашего историка не вызвала сомнений, т. к. русский народ, по его мнению, способен к совершенствованию и развивается, в отличие от неподвижных государств Востока. По мнению К.Д. Кавелина, Россия к началу XVIII в. вышла совершенно другим путем к одной с Европой цели, и с этого времени все различие между ними заключается «только в предыдущих исторических данных, но... дальнейший путь один»⁸. Россия, при всей специфике своего развития, во всех сферах общественной жизни достигает, тем не менее, тех же результатов, что и Запад.

3. *Модель «рецидивирующей модернизации»*. Согласно этой модели, не только предпосылки и способы осуществления, но и результаты модернизации в России иные, чем на Западе. Понятие «модернизирующееся общество» превратилось из характеристики временного, переходного состояния в обозначение особого социетального типа, равным образом отличного как от «традиционного», так и «модерного» общества. В социокультурной динамике такого общества модернизационные тенденции сопровождаются реверсивными процессами «традиционализации» и «архаизации»⁹. Н.Ф. Наумовой данный тип социетального изменения был назван «рецидивирующей модернизацией»¹⁰.

Во всех трех моделях в той или иной степени подчеркиваются некоторые главные, наиболее часто отмечаемые исследователями, особенности российской модернизации. Во-первых, утверждается, что *российская модернизация имела характер мобилизационного развития, имела экзогенные, а не эндогенные источники и иницировалась государством, а не обществом*. Российская модернизация была «вторичной» по отношению к западноевропейской модернизации, явилась ответом на ее вызов и носила догоняющий характер, что нарушало «естественность» и «органичность» социального развития России¹¹. Многие историки сходятся в том, что примерно до XIV в. русское

⁷ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России [1847] // К.Д. Кавелин Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 12.

⁸ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 66.

⁹ Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 1. С. 89–100; Там же.

¹⁰ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 5–28.

¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. Т. II. С. 298.

общество развивалось по тому же пути, что и западноевропейское. При этом чаще всего ссылаются на торговые республики Новгорода и Пскова. Однако в XV в. «новгородский» органический путь развития был прерван, и возобладала «московская» мобилизационная модель развития. Историки отмечали существенные отличия процессов возвышения центральной власти и формирования соответственно абсолютизма в странах Западной Европы и самодержавия в России. Западноевропейский абсолютизм возник на основе внутреннего экономического роста общества, развития городов, товарного производства, денежной экономики. В западноевропейских государствах центральная власть поддерживала плюрализм и баланс сил между различными группами интересов¹². Российское самодержавие имело внешнеполитические предпосылки, связанные с постоянной необходимостью ведения войны на разных направлениях, возникло на скудном экономическом базисе и сопровождалось закрепощением всех сословий¹³. В российской модернизации экзогенные факторы преобладали над эндогенными источниками. Согласно распространенной точке зрения, в России в деле модернизации первенствовало государство, ему принадлежала исключительная роль в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизационного процесса на всех его стадиях¹⁴. Главным субъектом российских модернизаций «выступала верховная власть (князь, царь, император, генсек правящей партии), которая использовала в качестве инструмента модернизации управленческий класс — административно-политическую бюрократию»¹⁵. Процесс модернизации в России изображается как цепь «революций сверху».

Во-вторых, практически единодушно подчеркивается *незавершенность и противоречивость российской модернизации*. Форсированная модернизация не смогла преодолеть отставание России от западных стран. Согласно В.А. Мельянцеву, в России за три столетия ее экономической и социально-культурной модернизации так и не был создан механизм

¹² Элиас Н. О процессе цивилизации // Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. М., СПб.: Университетская книга, 2001. Т. II.

¹³ См., например: Хлебников Н.И. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869.

¹⁴ Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39–51.

¹⁵ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. С. 95.

интенсивного экономического роста, отличающий современные развитые и быстроразвивающиеся страны. Имперская Россия не смогла начать процесс догоняющего развития по отношению к Западу. В советский период разрыв с развитыми странами в целом не изменился, а с 1970-х гг. обозначилось реальное отставание практически по всем направлениям. Таким образом, применительно к России речь должна идти, скорее, об *отстающей*, чем догоняющей модернизации¹⁶. Важная особенность российской модернизации состоит в том, что «в России традиционное общество с его сословиями, общинным укладом и основанная на автократии политическая система, а также адекватный всему этому ценностный строй были разрушены, но дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядка, которые бы соответствовали парадигме современного общества»¹⁷.

В то же время некоторые исследователи российского общества, работающие в русле теории модернизации, казалось бы, готовы признать главным итогом советской модернизации вхождение России в число современных обществ. Согласно Б.Н. Миронову, если «ввиду незавершенности модернизации русское общество в начале XX в. не достигло полной социальной зрелости», то Советская Россия по многим критериям «стала принадлежать к пространству модернистской культуры, а не развивающихся стран»¹⁸. К такому же выводу приходит и А.Г. Вишневский. По его словам, «в начале XX в. по всем основным параметрам — отраслевой структуре экономики, типам собственности, социальному составу, соотношению городского и сельского населения, уровню образования или гигиены, семейному и демографическому поведению и т.п. — Россия кардинально отличалась от своих европейских соседей», это были «разные миры», но «сейчас этого разрыва нет, есть только остаточные различия, свидетельствующие о незавершенности у нас процесса “вестернизации”». То, что «по фундаментальным характеристикам Россия — это общество “западного” типа, что линия развития у нас одна и та же», это у цитируемого автора сомнения не вызывает¹⁹.

¹⁶ Мельяцев В.А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 84–95.

¹⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. Указ. соч. С. 39.

¹⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. II. С. 332, 333.

¹⁹ Вишневский А.Г. Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь // Мир России. 2002. № 3. С. 21.

Однако эти же исследователи отмечают противоречивый характер российской/советской модернизации: «инструментальные достижения модернизации сочетались с сохранением социальной архаики»²⁰; «формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов»²¹. Так, «жизнь в Советской России, как в деревне, так и в городе, стала строиться на принципах, характерных для дореволюционной русской перedelной общины, вследствие чего в национальном масштабе во многих отношениях был воспроизведен социальный строй общины»²². А.Г. Вишневский выражает широко распространенную точку зрения, когда пишет, что консервативная модернизация «позволила СССР воспринять, а отчасти даже и развить многие инструментальные достижения западных обществ (современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр.), но не смогла создать адекватных социальных механизмов их саморазвития (рыночной экономики, современной социальной структуры, современных институтов гражданского общества, политической демократии и т.д.)»²³. В конечном счете, это противоречие между модернизационными инструментальными целями и консервативными социальными средствами ввергло советскую систему в кризис и потребовало ее полного реформирования. С этой точки зрения, посткоммунистический период в истории России должен был бы рассматриваться как завершение институциональной модернизации общества, для которой сложились на предыдущих этапах модернизации необходимые структурные и культурные предпосылки.

В-третьих, отмечается *инверсионный, циклический, а не линейно-поступательный процесс российской модернизации*. Российская модернизация осуществляется через циклы реформ—контрреформ. При этом «каждый цикл реформ—контрреформ отнюдь не возвращает общество и государство в исходное состояние, а все-таки продвигает их по пути модернизации, хотя и односторонней»²⁴. Переход от реформ к контр-

²⁰ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 385.

²¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. II. С. 333.

²² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). в 2 т. Т. II. С. 334.

²³ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. С. 418.

²⁴ Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы. С. 47.

реформам трактуется не как отказ от модернизации, а как смена способа ее осуществления. Контрреформы в России — это не «реформы со знаком минус», а «продолжение уже начатой волны модернизации государственно-административной, военной и хозяйственной систем, но другими средствами, которые по обыкновению присущи жестким авторитарным или тоталитарным режимам»²⁵.

В-четвертых, делается вывод о *социетальной, социальной и территориальной асимметричности российской модернизации*. Существовала крайне выраженная неравномерность развития разных институциональных сфер общественной жизни — политической, социальной, экономической, культурной. Более того, особенность модернизационного процесса в России состояла в расхождении, «периодически выражающейся разнонаправленности процессов *модернизации государства и модернизации общества*»²⁶. Наряду с институциональной асимметрией исследователи отмечают вызванный модернизацией социальный и культурный раскол российского общества, которое постепенно фрагментировалось, начиная с петровских реформ, и уже к концу XVIII в. оказалось расколотым на две части в соответствии с местом жительства (город—деревня) и сословной принадлежностью²⁷. Существовала также ярко выраженная территориальная асимметрия в модернизации страны по линии центр—периферия, а также между западными и восточными провинциями империи.

Альтернативы теории модернизации

На примере российской модернизации заметны ограничения теории модернизации и предлагаемые пути их преодоления, движение по которым выводит за рамки теории модернизации к прямо противоположным концептуальным схемам. Одна стратегия связана с подчеркиванием «резистентности» (от англ. *resistance* — «сопротивляемость», «устойчивость») социальных институтов, другая — формативной роли и статичности культуры, третья — влияния «внешних факторов», социетального окружения и включенности обществ в транс- и интерсоциетальные системы и сети. Наиболее полно эти стратегии отступления

²⁵ Пантин В.И., Лапкин В.В. Указ. соч.

²⁶ Там же. С. 42.

²⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. Т. II. С. 291, 292.

от идеального типа модернизации реализуются соответственно в моделях (1) институциональной дивергенции, (2) дискретных цивилизаций и (3) капиталистической миросистемы.

Модель институциональной дивергенции. Мобилизационная модель развития, которая выделяется в качестве ключевой характеристики догоняющей модернизации, сформировалась в истории России раньше, чем в ней начались собственно процессы модернизации²⁸. Индустриализация, которая рассматривается как стержневой среди процессов модернизации, осуществлялась в рамках этой модели. Понятие мобилизационного способа развития по содержанию и в эмпирическом отношении оказывается шире понятия «догоняющая модернизация». С этой точки зрения логичным выглядит переход от однолинейной перспективы модернизационной теории к билинейной перспективе социальной эволюции, в которой базовыми категориями оказываются «восточный» и «западный» типы обществ и соответствующие им пути цивилизационного развития.

В теории модернизации формирование современного общества, которое рассматривается как выражение сущности настоящего, означает радикальный разрыв с прошлым. Этот разрыв находит свое высшее воплощение в революциях, как специфически современной форме социальных изменений, которых не знало традиционное общество. Теория модернизации рассматривает западные общества в сравнительной перспективе их собственной истории, соотнося их настоящее с их прошлым. И в этой линейно-исторической перспективе опыт революции оказывается определяющим для самопонимания Запада.

Но если Запад осознавал себя как современное общество, совершившее радикальный разрыв с прошлым, то при этом первобытные и традиционные общества не принадлежали всецело прошлому, а окружали Запад в настоящем. И Запад взаимодействовал с ними — он их покорял, подчинял, завоевывал, эксплуатировал, колонизировал. Современный современный Запад осознавал себя не только по отношению к собственному прошлому, но и по отношению к своему настоящему социальному окружению — Востоку, который с точки зрения Запада никогда не был современным. Присущий Западу опыт внутренней радикальной, революционной трансформации и последующего динамичного развития дополнялся опытом внешнего превосходства, домини-

²⁸ *Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993.

рования над незападными обществами. И этот опыт превосходства стал важнейшим источником формирования современного самообраза Запада и, в частности, характерных для модернизационной теории представлений о цивилизаторской миссии Запада, заключающейся в распространении современных институтов и ценностей в остальном мире и выражающей идею не только экономического, технологического, политического, военного доминирования, но и культурного, социального и морального превосходства Запада над Востоком.

Здесь опять-таки выявляется ограниченность модернизационной теории, сводящей модернность к «набору институтов» и «системе современных обществ»²⁹. Не только современные западные общества формировались в процессе их взаимодействия с незападными обществами. Однако практика и опыт модерности — это не только практика и опыт доминирующих западных обществ, но и практика и опыт доминируемых, покоряемых, колонизируемых, эксплуатируемых незападных обществ — практика и опыт их подчинения и сопротивления, заимствований и отрицания, открытости и автаркии, поражений и побед. И этот опыт также подвергался осмыслению и находил свое воплощение в разнообразном и противоречивом самопонимании модерности. Внутри одних и тех же обществ возникали различные интерпретации сложного опыта модерности, и эти интерпретации соотносились друг с другом, образуя общую транссоциетальную дискурсивную формацию модерности.

Европоцентризм, или ориентализм, был одной из интерпретаций опыта модерности — характерного для современных западных обществ восприятия и осознания своего превосходства над незападными обществами. Восток и Запад наделялись прямо противоположными чертами. И здесь в самопонимании Запада на первый план выходила не идея радикального исторического разрыва своего «модерного» настоящего со своим «традиционным» прошлым, идея революционного изменения и фундаментальной социетальной трансформации, а идея длительной западной исторической традиции как истории непрерывного, последовательного движения к модерности, начиная с возникновения древнегреческих полисов. Древняя Греция, Древний Рим, Средневековая Европа, Запад Нового времени выстраивались в преемственную линию исторического развития особой западной цивилизации, противопоставляемой восточной традиции. В рамках дивергентной модели

²⁹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

социальной эволюции «Запад» и «Восток» воспринимались как знаки двух абстрактных противоположных социетальных типов, вполне соотносимых по своим характеристикам с идеальными типами «традиционного» и «модерного» общества в теории модернизации и конвергенции.

Осмысление опыта «двойного превосходства» современного Запада — превосходства над собственным историческим прошлым и над своим социетальным окружением — привело к разным парадигмам мировой истории. Несмотря на все свои очевидные различия, теории модернизации и ориенталистские теории, в действительности, произрастают из одного корня и являются столь же односторонними, сколь и комплементарными по отношению друг к другу. Теория модернизации объясняла причины особого динамизма Запада, ориенталистские теории объясняли причины стагнации Востока. При этом и те, и другие игнорировали культурное и институциональное разнообразие самих западных и восточных обществ, а также их взаимодействие друг с другом.

Российское общество является объектом приложения не только модернизационных, но и ориенталистских теорий. Теории «многолинейного институционализма» восходят к марксистской идее азиатского способа производства и веберовской концепции патримониального типа господства, позже дополненных моделью редистрибутивной экономики К. Поланьи. В центре анализа при этом подходе оказывается конфигурация отношений между институтами собственности и власти и соответствующий им тип социальной стратификации. В современной российской социологии трудности посткоммунистической модернизации России объясняются принадлежностью ее исторически сформировавшейся институциональной структуры к незападной, азиатской линии социетальной эволюции с характерными для нее феноменами «власти—собственности», «государственного» или «политарного» способа производства, «патримониального государства», «раздаточной экономики», «коммунальной материально-технологической среды». В данном случае речь идет не о национальных особенностях российской модернизации, которая все-таки идет в направлении конвергенции с западными современными обществами, а о существовании, по меньшей мере, двух принципиально различных типов институциональной организации обществ и соответствующих им направлений цивилизационного развития (социетальной эволюции). Модель институциональной дивергенции накладывает существенные ограничения на возможности социетальной трансформации и модернизации российского общества.

Модернизация незападных по своей институциональной конституции обществ всегда будет частичной, фрагментированной и незавершенной, не затрагивающей базовые экономические и политические институты и основания социальной стратификации. Модернизационные усилия политических элит и контр-элит не ведут к институциональной трансформации, изменению «институциональной матрицы» данного общества. В последние два десятилетия эта идея применительно к современному российскому обществу наиболее обстоятельно развита в работах О.И. Шкаратана, Р.М. Нуреева, Ю.И. Семенова, С.Г. Кирдиной, О.Э. Бессоновой³⁰.

Модель дискретных (локальных) цивилизаций. Одной из тенденций в развитии исследований российской модернизации является постепенное смещение центра внимания к проблемам социокультурной модернизации³¹. Именно в культуре, системе ценностей все большее число социологов начинают усматривать главный источник трудностей, основную причину торможения институциональной модернизации российского общества. Культура рассматривается как тормоз и ограничитель модернизации. При этом происходит важный методологический сдвиг в исследованиях модернизации: «все чаще звучит предположение о первичном характере социокультурной модернизации по отношению к состоянию таких сфер жизни общества, как экономика и политика»³². Это означает, что культура из консервативной, инерционной, пассивной силы как «тормоза» и «ограничителя» модернизации превращается в активный фактор, оказывающий формирующие воздействие на институциональную структуру общества. Свое крайнее выражение тенденции, обнаруживаемые в теории социокультурной модернизации, находят в теории дискретных (локальных) цивилизаций, методологический профиль которой складывается из комплекса

³⁰ См., например: *Шкаратан О.И.* Этакратизм и российская социетальная система // *Общественные науки и современность.* 2004. № 4. С. 49–62; *Нуреев Р.М., Руннов А.Б.* Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти–собственности в исторической перспективе) // *Вопросы экономики.* 2002. № 6. С. 10–31; *Семенов Ю.И.* Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // *Российский этнограф.* 1993. № 20. С. 5–105; *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000; *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.

³¹ *Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // *Общественные науки и современность.* 2008. № 2. С. 5.

³² *Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1. С. 5–6.

представлений об уникальности, статичности, гомогенности и формативной роли культуры (культурного кода). Многими историками, философами, политологами, культурологами российское общество рассматривается как носитель особой цивилизации, которая определяется по-разному: как «православная», «славянская», «евразийская», или собственно «российская»³³. Многие исследователи, работающие в русле мультицивилизационной парадигмы, отмечают полиморфизм, антиномичность и разорванность российской цивилизации, сталкиваясь с теми же самыми методологическими трудностями, что и сторонники модернизационной парадигмы. При этом общим для представителей альтернативных теоретических перспектив является этатистский образ российской социетальной системы. «Несистемность» русской культуры создавала условия, при которых именно государство выступало как носитель наиболее универсального принципа, объединяющего разноликий конгломерат культурных и социальных структур³⁴.

Мир-системная модель. Теория модернизации и рассмотренные выше ее институционально-дивергентная и дискретно-культурная теоретические альтернативы придерживаются эндогенных моделей развития. Интерсоциетальное взаимодействие, культурные заимствования и институциональный перенос в них в той или иной степени учитывались и признавались, но в целом им отводилась роль вторичных или случайных факторов. На выработку базовых социетальных типов, институциональных и культурных форм, которые могли в той или иной степени заимствоваться периферийными обществами, влияние внешнего социетального окружения не оказывало. Уже при объяснении исторических предпосылок и особенностей российской модернизации влиянием внешнеполитических факторов заметен значительный отход от чисто эволюционно-генетической модели развития. Однако радикальному пересмотру соотношение внутренних и внешних источников развития обществ подверглось в мир-системной теории.

С точки зрения мир-системной теории, «уникальность» России объясняется не «загадочной славянской душой» и не отставанием от «передового Запада», а специфическим положением, которое наша

³³ См., например: *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.; *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.

³⁴ *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. С. 428.

страна занимала в мировой экономической системе»³⁵. В ракурсе мир-системного подхода Россия предстает как типический пример государства, относящегося к «полупериферии» капиталистической мир-системы³⁶.

К теоретической формации «модерности»

Несмотря на всю свою противоположность, классические версии теории модернизации и ее трех вышеперечисленных альтернатив объединяет приверженность к построению в высшей степени когерентных, детерминистских и редукционистских моделей социальных формаций, которые изображаются как внутренне непротиворечивые системы, состоящие из жестко взаимосвязанных элементов. Это в первую очередь имеет отношение к теоретическим конструкциям «традиционное/модерное общество», «восточная/западная институциональная (цивилизационная) матрица», «локальная цивилизация», но также в большой мере касается и понятия «капиталистической мир-системы» в классической трактовке И. Валлерстайна (что послужило в дальнейшем основанием для размежевания внутри самого мир-системного анализа).

Теоретические модели, задающие каждому типу общества или цивилизации жесткий, в высшей степени когерентный или гомогенный структурный профиль, институциональную матрицу или культурный код, оказываются аисторичными, неспособными репрезентировать процессы социальных изменений в разнообразии и противоречивом единстве их культурных и институциональных характеристик. Применение данных теоретических конструкций предполагает описание актуального состояния российского общества как приближающегося в большей или меньшей степени к тому или иному идеальному типу. Следствием данной методологии являются либо односторонние образы российского общества, игнорирующие как временные, случайные, переходные, остаточные или несущественные те стороны российской действительности, которые не вписываются в ту или иную теоретическую модель; либо эклектичные образы российского общества,

³⁵ *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. С. 10.

³⁶ *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.

изображающие его как «разорванное», «расколотое», «промежуточное». В результате российское общество предстает как сочетание взаимоисключающих характеристик, приписываемых противоположным социальным типам: традиционному и модерному, восточному и западному, самобытному и инокультурному.

Сама жесткость, статичность, монолитность исходных теоретических моделей служит, по мере накопления в ходе конкретного историко-эмпирических исследований отклонений от заданных схем, предпосылкой для перехода от одной концептуальной конструкции к другой. В целом, эти четыре теоретические перспективы обращены друг на друга и образуют единую взаимосвязанную теоретическую формацию. Жесткость и когерентность этой формации соответствует жесткости и когерентности вырабатываемых в ее рамках теоретических моделей.

Одним из ответов на данную теоретико-методологическую ситуацию явилось возникновение, начиная с 1960-х гг., более гибких сравнительно-исторических подходов, предлагающих новые интерпретации ключевых проблем и концептов модернизационной, полиэволюционной, мультицивилизационной и мир-системной теорий и подвергающих критике их догматические версии. В числе этих новых подходов выделяются историческая социология модернизаций (Р. Бендикс, Б. Мур, С. Роккан, Ч. Тилли, Т. Скокпол), новая сравнительная политическая экономия, сравнительно-исторический мир-системный анализ (А.Г. Франк, Б. Джиллс, К. Чейз-Данн, Т. Холл, Дж. Абу-Луход, Д. Уилкинсон), историко-социологический цивилизационный анализ (Б. Нельсон, Ш. Эйзенштадт, Р. Коллинз).

Однако, помимо этой общей ревизионистской «сравнительно-исторической» тенденции, сохраняющей в каждом случае большую или меньшую степень преемственности с фундаментальными предпосылками и концептуальными схемами четырех вышеупомянутых теоретических перспектив, в социальной теории возникло радикальное течение постмодернизма. Постмодернизм подверг радикальной критике и отрицанию макросоциологические и макроисторические подходы.

Наконец, все эти тенденции привели к формированию с конца 1980-х гг. новой теоретической формации, представленной теориями, более чувствительными к контингентности и разнообразию институциональных и культурных форм глобальной современности, чем теория модернизации. Новую теоретическую формацию образуют трансформационная, диверсификационная и плюралистическая модели

глобальной модерности. Трансформационная модель представлена теориями, в которых выделяются разные фазы, последовательные типы модерности — традиционная «организованная» модерность индустриального общества трансформируется в «радикальную», «рефлексивную», «текучую» «вторую модерность» (У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман). Культур-центристская плюралистическая модель модерности представлена теорией множественных модерностей³⁷, наследующей социологической традиции цивилизационного анализа. Институциональная диверсификационная модель модерности разрабатывается в теории разновидностей модерности, продолжающей теорию разновидностей капитализма в новой политической экономике³⁸. Именно те теории, в которых модерность изображается как глобальная, но неоднородная, изменяющаяся, вариативная социоисторическая реальность, выраженная в разнообразных культурных и институциональных формах, представляются наиболее перспективной рамкой для формирования социологических образов современного российского общества. Но это уже тема для следующей статьи.

³⁷ См., например: *Arnason J.P.* Communism and Modernity // *Daedalus*. 2000. № 1. P. 61–90; *Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. № 1. P. 1–29; *Idem.* Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 2. Boston: Brill, 2003; *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity. Cambridge: Polity, 2008; *Idem.* Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology // *Thesis Eleven*. Vol. 100. February 2010. P. 53–60; *Wittrock B.* Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // *Daedalus*. 2000. № 1. P. 31–60; *Idem.* Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations // *Thesis Eleven*. Vol. 65. May 2001. P. 27–50; *Comparing modernities: pluralism versus homogeneity* / Ed. by Eliezer Ben-Rafael and Yitzhak Sternberg. Leiden: Brill, 2005.

³⁸ См., например: *Evans P., Stefans J.D.* Studying development since the sixties: The emergence of a new comparative political economy // *Theory and Society*. 1988. Vol. 17. P. 713–745; *Schmidt V.H.* Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // *Current Sociology*. 2006. Vol. 54. P. 77–97.